ГЛАВА 8. БОЛЕЗНЬ И ПЕРВЫЙ ФАНАТ

Ли Сычэнь медленно катил велосипед к дому. Лишь оказавшись у своего подъезда, он заставил себя выпрямиться и принять привычный вид. С того момента, как он покинул тренировочную площадку, прошло достаточно времени, и острая боль в теле немного притупилась.

— Матушка, я дома, — негромко произнес он, толкнув входную дверь.

Мишель сидела в кресле с неестественно прямой спиной. Ее лицо, обычно доброе, сейчас застыло в суровой маске. Сердце Сычэня ёкнуло — интуиция подсказывала, что грозы не миновать.

— На колени, — скомандовала она.

Она на мгновение засомневалась, но тут же взяла себя в руки, снова став холодно-строгой.

— Мама… — Сычэнь предпринял попытку подойти ближе, но, встретив ее тяжелый взгляд, подчинился.

Он опустился на пол и понурил голову, не зная, с чего начать.

— А теперь отвечай честно: куда ты пропадаешь каждый вечер? — Мишель была далеко не глупа. Если ребенок изо дня в день уходит из дома в одно и то же время, на то есть веская причина. Сегодня она случайно выглянула в окно и увидела, как Карлос, едва переставляя ноги, из последних сил бредет к дому. — Ну? Только не говори, что ввязался в драки.

Сычэнь не поднимал глаз. Тело ныло, во рту пересохло, но он упрямо выдавил:

— Матушка, я не дрался.

— Не дрался? А это тогда что? — Мишель резко потянула край его футболки вверх.

Увидев на животе сына наливающийся иссиня-черный кровоподтек, она не вскрикнула от ужаса и не бросилась за мазью. Она просто смотрела на него — пристально и требовательно.

— Матушка, я ни с кем не дрался, — повторил он, не меняя позы.

Эти пять слов он твердил как заклинание. Сычэнь не держал на нее обиды — он понимал, что она действует из любви и страха за него. Но если он признается сейчас, весь его план пойдет прахом.

Мишель глубоко вздохнула, пытаясь совладать с подступающим гневом.

— Значит, ты и дальше намерен лгать мне?

Сычэнь поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза.

— Поверь мне, мама. Дай мне всего пять дней, и я сам всё расскажу. Пожалуйста… — В его голосе зазвучала неприкрытая мольба.

Глядя на измученное лицо мальчика, Мишель смягчилась. Она погладила его по взъерошенным волосам и тихо произнесла:

— Глупый ребенок… Не взваливай всё на свои плечи. Хорошо, я даю тебе пять дней. Но обещай, что после этого я узнаю всю правду. Договорились?

Поняв, что прощен, Сычэнь энергично закивал:

— Да!

Он порывисто обнял её. Доверие близких было для него дороже всего на свете. В этой чужой стране, где Ли Гоудань бесследно исчез, Мишель оставалась его единственной опорой.

***

На следующее утро Ли Сычэнь проснулся от того, что горло словно ободрали наждаком. Даже дышать было больно.

— Кхм… кха-кха!

Он попытался перевернуться на бок, но голова налилась свинцом, а веки стали неподъемными. Больше всего на свете ему хотелось просто выпить воды.

— Карлос, ты проснулся? — Мишель, услышав кашель, тут же вошла в комнату.

Она заботливо приподняла его, подкладывая подушки под спину.

— Что же ты не сказал, что попал под дождь? Вот и результат — простудился. Ну же, не хмурься. Я сварила тебе жидкой рисовой каши, съешь хоть немного.

Она зачерпнула ложку, осторожно подула на нее и поднесла к его губам. Сычэнь послушно

проглотил теплую смесь. Несмотря на болезненный блеск в глазах, он смотрел с тихой радостью.

— Спасибо, мама. Ты такая добрая…

Тётушка Чжан была права: хороших людей на свете всё же больше. Сначала эта женщина, совсем не зная его, принесла ему еду, а теперь стала настоящей матерью.

Мишель тепло улыбнулась:

— Ешь давай. Раз уж ты называешь меня матерью, то о ком мне еще заботиться, как не о тебе?

От этих слов Сычэню стало так уютно, что даже каша показалась необычайно вкусной. Покончив с завтраком и выпив горькое лекарство, он почувствовал, как веки снова тяжелеют. Мишель подоткнула ему одеяло и, отведя влажные пряди со лба, нежно поцеловала его.

— Сегодня никаких занятий, Карлос. Спи и поправляйся.

— Хорошо, матушка. Я буду послушным и не доставлю тебе хлопот, — пробормотал он, засыпая.

Мишель замерла, глядя на него спящего, и еще долго сидела рядом, мерно похлопывая его по плечу, погруженная в свои мысли.

Едва за ней закрылась дверь, Сычэнь приоткрыл глаза.

«Мама, спасибо… Вот увидишь, когда я вырасту и начну зарабатывать, я буду заботиться о тебе сам», — прошептал он и, наконец, провалился в глубокий, целительный сон с улыбкой на губах.

***

Он проснулся только к вечеру. Осторожно выбравшись из постели, Сычэнь задрал футболку. Синяки на животе начали бледнеть, а кожа блестела от свежего слоя лечебной мази. Значит, пока он спал, Мишель снова заходила к нему. Сердце наполнилось щемящей нежностью. Ему было так легко угодить — достаточно было лишь капли искреннего тепла, и он готов был простить этому миру любые обиды.

Выйдя из комнаты, он увидел хлопочущую по хозяйству Мишель.

— Мама, тебе помочь?

— Нет-нет, отдыхай, — быстро отозвалась она. — Ты проспал весь день, проголодался, наверное? Пойду приготовлю что-нибудь.

Мишель уже потянулась к фартуку, но Сычэнь остановил её:

— Не нужно, я совсем не хочу есть. Я ведь только и делал, что лежал.

— Ну тогда иди, посиди за компьютером. А как ужин будет готов, я позову.

— Хорошо, матушка.

Сычэнь зашел в кабинет. Первым делом он, как обычно, принялся искать новости из родных краев. Прошел год, и он уже вполне уверенно владел английским, ловко ориентируясь в сети.

«Поместье семьи Ли…» — ввел он запрос в поисковую строку.

Его дом. Родное гнездо. Раньше он, будучи изнеженным наследником, мало интересовался делами семьи, знал лишь, что отец очень богат. Однако американские серверы упорно молчали — никакой конкретной информации о Поместье семьи Ли найти не удавалось.

Сычэнь разочарованно поджал губы. Он не собирался возвращаться прямо сейчас, но ему до боли хотелось узнать, как там дела, и запомнить все детали, чтобы когда-нибудь быстро разыскать тётушку Чжан.

Не обнаружив ничего нового, он не спешил выключать компьютер. Вместо этого он набрал свое нынешнее имя: «Карлос Тейлор». На этот раз удача улыбнулась ему. На одной из страниц, в самом низу, он наткнулся на упоминание о себе.

«Тот мальчишка, Карлос Тейлор, который в последнее время часто мелькает в сериалах… Кажется, он весьма талантлив. И до чего же он хорошенький!»

Лишь одна короткая строчка среди потока информации, но он улыбнулся. Слово «талантлив» согрело душу, а вот характеристика «хорошенький» заставила его нахмуриться. Он ведь знал, что так обычно говорят о девочках, а он — мужчина!

«Но если я попрошу так не говорить, вдруг этот человек разлюбит меня?» — засомневался он.

Поколебавшись, Сычэнь решился. Он уже знал, что Фейсбук — крупнейшая социальная сеть, и завел там аккаунт. Глядя на клавиатуру, он медленно, по букве, начал набирать ответ под комментарием:

«Взрослые говорят, что „хорошенький“ — это про девочек. Я — мальчик, поэтому, пожалуйста, не называйте меня так. Ну… если я нравлюсь вам только потому, что я хорошенький, тогда ладно, пишите как хотите плачущий смайлик. — Карлос Тейлор»

Нажав кнопку «Отправить», он тут же пожалел об этом. А вдруг он только что лишился своего единственного фаната? Но дело было сделано.

Он подпер подбородок рукой и замер, гипнотизируя экран в ожидании ответа. Время шло, ничего не менялось. Только когда из кухни донесся голос Мишель, он нехотя закрыл вкладку. Впервые ему было по-настоящему жаль выключать компьютер.

Мишель уважала его личное пространство и никогда не входила без стука, поэтому Сычэнь чувствовал себя в безопасности, изучая информацию о своей семье. Но теперь у него появилась новая важная миссия — следить за тем, что пишут о Карлосе Тейлоре.

— Карлос? — снова позвала Мишель.

— Иду, мама! — Сычэнь аккуратно задвинул стул, привел стол в порядок и вышел в гостиную.

Воздух был пропитан аппетитными ароматами.

— Мамочка, как вкусно пахнет!

— Садись скорее, — Мишель подтолкнула его к столу. — После болезни нужно как следует подкрепиться. Здесь всё, что ты любишь. Смотри, я даже приготовила китайское блюдо — Мапо Тофу. Как тебе?

Сычэнь взглянул на тарелку с чуть подгоревшим, странного вида тофу и искренне улыбнулся:

— Мне очень нравится. Спасибо, матушка.

Он знал, что Мишель начала учить китайскую кухню только из-за него, и эта забота была для него лучшей приправой к любому блюду.

— Раз вкусно, ешь побольше!

http://bllate.org/book/17536/1701523